

ВВЕДЕНИЕ

Ясным летним днем несколько лет назад мы с женой и новорожденной дочкой выбрались на пикник. Воздух был таким прозрачным, что все предметы вокруг казались их собственным гиперреальным исполнением. Мы сидели на траве, искрившейся под яркими лучами солнца, рядом журчал ручей. Дочку покормили, и она уснула. А я занялся сумкой с книгами, журналами и газетами, которую в те предпланшетные дни почти всегда носил с собой, хотя даже и не надеялся прочитать все, что содержала эта сумка по самым разным темам — от ухудшения окружающей среды и распространения ядерного оружия до недавней уступки палачам и преступникам: юмористических колонок.

В тот день в моей сумке оказалась «Книга вымышленных существ» аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса, впервые опубликованная в 1967 г. В последний раз я видел ее лет двадцать назад и, немного поколебавшись, решил взять ее с собой. Но, начав читать, уже не мог оторваться. В ней был и Хумбаба, хранитель кедрового леса из «Эпоса о Гильгамеше», наидревнейшего из известных миру поэтических текстов, — существо с лапами льва, с покрытым жесткой чешуей туловищем, с когтями стервятника, рогами дикого быка

«У всех животных в этом мире столько измерений, что их невозможно сосчитать» (Чжуан-цзы, ок. 300 г. до н.э.).

Нынешнюю геологическую эпоху — около 10000 лет после последнего ледникового периода — ранее называли голоценом (от греч. holos — целый и kainos — новый). В 2008 г. геологи приняли новую хронологическую единицу — антропоцен, согласившись с тем фактом, что решающее влияние на систему Земли сейчас оказывает человек. Началом новой эпохи, антропоцена, договорились считать масштабное использование ископаемого топлива.

и змеиными головами на концах пениса и хвоста. И зверек, придуманный Францем Кафкой, с туловищем, как у кенгуру, но плоским, почти человеческим лицом и зубами, придающими ему особое выражение, и Кафке кажется, что животное пытается его приручить. Была там и Сильная Жаба из чилийских сказок: она покрыта панцирем, как у черепахи, светится в темноте, как светлячок, единственный способ убить ее — сжечь дотла, а сила ее взгляда такова, что жаба может притягивать или отталкивать все, на что только посмотрит. Эти животные, а также многие другие из мифов и сказок по всему миру и несколько придуманных самим автором поданы в кратких зарисовках — очаровательных, необычных, пугающих или забавных, а иногда сочетающих все перечисленное. Эта книга — воплощение яркой человеческой фантазии, которая отражает и преобразует реальность. И, как я уже говорил, оторваться от нее я не смог, пока меня не разморило на солнце и я не заснул.

Я проснулся с мыслью о том, что многие реальные животные еще более необычны, чем те, что населяют наше воображение. Просто наши знания о них настолько отрывочны и неполны, что им будто нет места в нашей жизни: мы едва способны представить их себе. В эпоху, которую мы называем антропоценом, эпоху, когда многие виды вымирают и изменяются, столь же быстро, как и всегда в истории Земли, эта тема требует более пристального внимания. «Я должен, — продолжала крутиться в моей голове мысль, — изучить подробнее необычные формы жизни, о которых имею лишь самое отдаленное представление. А потом представить свои изыскания в виде книги об этих диковинных существах».

Обычно я не придаю особого значения всяким идеям, которые проносятся в голове. Но эта мысль не покидала меня и за несколько месяцев превратилась почти в наваждение, настолько сильное, что в конце концов мне все-таки пришлось сесть

за работу. Результат этой работы вы сейчас держите в руках: исследования и наброски для бестиария XXI в.

Обычно, думая о бестиариях (если мы вообще о них думаем), мы представляем себе средневековые книги: они зачаровывают причудливыми и прекрасными образами, расцвеченными на картинках золотом и драгоценными красками из заморских стран. Хороший пример — Бестиарий Эшмола, манускрипт XIII в., который хранится в Бодлеанской библиотеке. На одной из иллюстраций человек в красном смотрит на горшок на костре, который он развел на маленьком острове посреди моря. Этот человек даже не догадывается, что остров на самом деле — спина огромного кита. Мимо на фоне неба из чистого золота проплывает корабль с высокими мачтами. На другой иллюстрации белошечки казарки висят, прицепившись клювами к зеленым, красным и синим раструбам в стиле ар-деко, которые на самом деле должны изображать цветы на дереве. Тексты в этих книгах зачастую не менее удивительны, чем иллюстрации. Так, в них рассказывается, что аспид — это животное, которое затыкает ухо хвостом, чтобы не слышать слов заклинателя змей. Пантера — ласковый разноцветный зверь, единственным врагом которого является дракон. А рыба-меч своим острым рылом пробивает и топит корабли.

Но все это не главное. Помимо эксцентричных иллюстраций, причудливой зоологии и религиозных притч в бестиариях содержатся ценные и пронизательные наблюдения: это попытка понять и описать, как на самом деле устроен мир. Не боясь ограниченности знаний своей эпохи (и даже не догадываясь об их ограниченности), они воспевают красоту жизни и живого.

Подробный рассказ о происхождении и источниках вдохновения знаменитых иллюстрированных бестиариев классического Средневековья требует упоминания величайших античных научных работ, особенно

Возможно, аллегория пещеры Платона¹ не совсем верна, и иногда мы можем увидеть реальность через ее тень в искусстве.

«Истории животных» Аристотеля, написанной в IV в. до н. э., и «Естественной истории» Плиния (77 г. н. э.). Тексты книги под названием «Физиолог» показывают, как в смутные годы после разгрома Рима (когда, кроме всего прочего, чума выкосила чуть ли не половину населения Европы) выдержки из этих и других источников в сочетании с библейскими историями и христианскими легендами соединились в учения о естественной истории и религии. (В них могли содержаться ссылки на шедевры Темных веков, такие как Евангелие из Линдисфарна — иллюстрированное около 700 г. в Нортумбрии и украшенное изображениями животных с косичками, характерными для северных земель язычников, и похожими на мандалы узорами, типичными для солнечного восточного Средиземноморья.) Но я хочу рассказать о другом феномене, даже более древнем, чем изображения птичьего изобилия или танцующих дельфинов, созданных, соответственно, в Египте и на Крите за тысячу лет до рождения Аристотеля.

Львы в пещере Шове

¹ Знаменитая метафора пещеры у Платона в книге «Государство» символизирует неизбежность искажения реальности в представлении человека, воспринимающего ее опосредованно через тени, пляшущие на стенах пещеры. — *Прим. ред.*

Старейшим из известных нам изображений — рисункам в пещере Шове во Франции — около 30 000 лет. Бизоны, олени, львы, носороги, горные козлы, тарпаны, мамонты и другие животные изображены художниками не менее искусными, чем современные. Что именно эти рисунки означали для их авторов, навсегда останется для нас загадкой, но очевидно, что художники внимательно изучали этих животных. Они знали, например, как те или иные виды меняются в зависимости от времени года. Палеоантрополог Ян Таттерсолл пишет: «В пещере изображены бизоны в период летней линьки, олени во время осеннего гона, шерстистые носороги с кожной складкой, видной только летом, лосось с крючкообразным выступом на нижней челюсти, который образуется у самцов в период нереста. Некоторые наши знания об анатомии вымерших животных мы получили только благодаря искусству». А отпечатки рук или очертания ладоней на стенах пещеры говорят о том, что рисунки делали (по крайней мере в какой-то степени) люди обоих полов и самого разного возраста, в том числе маленькие дети. Совершенно очевидно, что животные были *важны* для людей. На рисунках повторяются одни и те же виды животных, но нет никаких элементов пейзажа: ни облаков, ни земли, ни солнца, ни луны, ни рек, ни растений. И лишь на некоторых из них можно видеть горизонт или фигуру человека (или нечто похожее на человека).

Все это указывает на очевидный факт, значение которого практически невозможно переоценить: на протяжении большей части своей истории попытки человека понять и идентифицировать себя были тесно связаны с тем, как он видел и представлял животных. Методы изображения могут меняться, но наш интерес к другим живым существам не пропадает никогда. Например, собрания занятых курьезов XVI и XVII вв., само собой, отличаются от средневековых bestiариев. Коллекции образцов и частей экзотических животных, расте-

ний и камней, сведенные вместе, положили начало последовательному и глубокому изучению окружающего мира в XVIII в., когда была создана система классификации, используемая до сих пор. Но точно так же, как и бестиарии, эти кунсткамеры способны очаровывать нас, о чем говорит и их немецкое название — Wunderkammer (букв. «камера чудес»). И сегодня интерес к диковинным или курьезным вещам никуда не исчез. От «камеры чудес» до Интернета не так и далеко, а ведь Интернет, где можно найти все что угодно, — это и инструмент науки, и электронный бестиарий на каждый день. Гигантские кальмары и кошки с двумя мордами, известные и неизвестные нам факты о животных, на что они способны, а на что нет; их странные и удивительные проявления — статьи и видео на эти темы неизменно вызывают наибольший интерес в Сети.

Думаю, можно с уверенностью утверждать: каким бы непостоянным и беспорядочным ни было наше внимание, увлечение человека другими существами, в том числе животными, настолько сильно, что нам редко удается надолго от него отвлечься. Как родник из скалы, оно вырывается наружу в каждой культуре. Иногда мы ведем себя как бесстыдные вуайеристы, иногда изо всех сил пытаемся сохранить животных, иногда нам просто любопытно, но они редко оставляют нас равнодушными. Как и наши предки, сознательно или бессознательно, мы постоянно задаемся вопросом: «Как они связаны со мной, с моим физическим существованием, моими надеждами и моими страхами?»

Выбирая существ для этой книги, я не стремился составить какую-то общую картину животного мира. Еще меньше эту книгу можно считать капитальным трудом по естественной истории. И хотя я приложил максимум усилий, чтобы не ошибаться в фактических данных, я отнюдь не пытался составить систематическое описание каждого животного. Скорее, я хотел рассказать о том, что в нем (по крайней мере на мой взгляд) может показаться прекрасным или интригующим,

Кабинет удивительных вещей Оле Ворма, около 1655 г.

а также о тех явлениях, проблемах или ассоциациях, которые так или иначе с ним связаны. В какой-то мере изложение материала в этой книге напоминает придуманную Борхесом китайскую энциклопедию «Небесная империя благодетельных знаний».

На ее древних страницах написано, что животные делятся на:

- а) принадлежащих Императору;
- б) набальзамированных;
- в) прирученных;
- г) молочных поросят;
- д) сирен;
- е) сказочных;
- ж) бродячих собак;
- з) включенных в эту классификацию;
- и) бегущих, как сумасшедшие;
- к) бесчисленных;
- л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти;
- м) прочих;
- н) разбивших цветочную вазу;
- о) похожих издали на мух².

² Борхес Хорхе Луис «Аналитический язык Джона Уилкинса». Пер. Е. Лысенко, 1952.

Итало Кальвино употребляет выражение «богатство неожиданных сопоставлений», описывая «Естественную историю» Плиния, который делит рыбу на «рыбу с камешком в голове; рыбу, которая прячется зимой; рыбу, которая чувствует влияние звезд; рыбу, за которую платят чрезвычайно высокую цену». То же самое можно сказать и о текстах в этой книге (Сэмюэл Джонсон охарактеризовал их как случайные проблески ума, бессистемные, неупорядоченные куски).

Моя книга задумывалась как алетейгория. Это новое слово, насколько мне известно, образовано из «фантазмагии» (представление с духами, изображаемыми посредством светового проектора до изобретения кинематографа) и «алетейя» (греч. «правда» или «открытие»). Это подразумевает (для меня по крайней мере) освещение подлинных образов великой реальности. Я хотел рассказать о некоторых живых существах, взглянув на них под иным углом зрения, через призму «всего богатства самых неожиданных сопоставлений», показать, как они одновременно похожи и не похожи на людей (или на наше представление о самих себе). И еще я хотел поразмыслить о том, как эти сходства или отличия проливают свет на возможности и проблемы человечества. Результаты получились местами странными и, если честно, не всегда очевидными. Некоторые сравнения и отступления, которые я себе позволил, имеют мало отношения к самим животными. Я хотел, чтобы животные стали поводом для размышлений, но размышлений не только о животных. И при всех моих отступлениях есть темы и мотивы, которые связывают книгу в единое целое.

Одна из тем книги: насколько больше, с точки зрения ощущения природы всего живого, нам способна дать эволюционная биология (и вообще научный метод, частью которого она является) по сравнению с мифологией и традицией. И дело не только в том, что, по словам Феодосия Добржанского, «ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции»; просто чувство восхищенного удивления особенно сильно испытываешь, когда понимаешь всю сложность того или иного явления. Роберт Харрисон выразил это так: «Воображение обнаруживает настоящую свободу в вымеренной конечности того, что может произойти наверняка». Не случайно глубину Уолденского пруда измерил именно Генри Дэвид Торо, радикальный политический активист и эколог-провидец, а не его более «практичные»

современники, утверждавшие, что пруд бездонный. По словам Ричарда Фейнмана, наше воображение «распространяется не на то, чего, как в художественной литературе, в реальности нет, а на то, что *существует*». Благодаря теории эволюции современный мир становится прозрачной поверхностью, сквозь которую мы можем видеть всю историю жизни.

Другая тема связана с Мировым океаном. Примерно две трети глав этой книги посвящены морским животным, и тому есть несколько причин. Во-первых, Мировой океан — наш древний прародитель и, безусловно, самая большая экосистема на Земле: он покрывает семь десятых ее поверхности и составляет более 95% ее обитаемой территории. (Вспомните определение Амброза Бирса: «Океан, сущ. — водоем, занимающий около двух третей мира, сотворенного для человека, не имеющего жабр».) И это громадное пространство изучено нами намного хуже, чем суша. Поэтому наша задача — познакомиться с ним поближе. Как заметил Бил Брайсон, ничто так наглядно не демонстрирует, насколько психологически далек от нас океан, как главная цель, заявленная океанологами в рамках Международного года геофизики 1957–1958: изучить возможности «использования глубин океана в качестве места захоронения радиоактивных отходов». И лишь совсем недавно мы перестали считать Мировой океан чем-то второстепенным и начали постепенно понимать его центральное место в системе планеты и его огромное влияние, в том числе на климат и биологическое разнообразие, а значит, и на нашу судьбу. И совсем недавно мы узнали, что в водах океана обитает огромное многообразие настоящих, а не мифических животных, порой странных, порой восхитительных, каких мы никогда не смогли бы создать в воображении. Там есть, например, существа ростом с человека и вообще без внутренних органов, выживающие в такой воде, в которой бы человек обварился до смерти. Что в бескрайнем мире холода и темноты

Масштаб влияния человека на океан, последствия, шансы на улучшение положения и практические шаги описаны в книге «Океан жизни» (Ocean of Life) Каллума Робертса.

почти все существа светятся. Или что в океане обитают смышленные внимательные твари, способные протиснуться в проем шириной не больше диаметра их собственного глазного яблока.

Еще одна тема, к которой я буду постоянно возвращаться на протяжении книги, — последствия человеческой деятельности. Несколько лет назад я оказался на побережье Северного Ледовитого океана во время снежной бури, наблюдая за скоплением толстых, пускающих газы моржей. Я случайно, почти зайцем, пробрался на борт экспедиции художников, музыкантов и ученых, прибывшей на паруснике на остров Шпицберген, чтобы лично убедиться, что в регионе происходят серьезные перемены, и попытаться понять, чем эти перемены чреватые. (Температура в Арктике растет быстрее, чем в других регионах Земли. Существуют убедительные доказательства, что виноват в этом именно человек.)

Моржи — неповоротливые и забавные на суше, но в воде удивительно проворные и чутко реагирующие на окружение — одни из моих любимых животных. В какой-то степени моя дочь обязана им своим существованием, потому что мне посчастливилось завоевать сердце ее матери, нарисовав на салфетке моржа. Знаю, что не только я без ума от этих животных, по крайней мере если судить по многочисленным видео в Интернете, на которых моржи исполняют акробатические трюки под руководством дрессировщика, играют на трубе и издают крайне неприличные звуки. И восхищение моржами не новость. В 1611 г. одного молодого моржа выставили на всеобщее обозрение при дворе английского короля, «где Его Величество и многие distinguished лица с восторгом наблюдали удивительного зверя, ибо ничего подобного до того в Англии не видели. Зверь очень странного вида, при этом необычайно понятливый и обучаемый».

Но за всеми этими прелестями скрывается горькая правда. Большую часть последних четырех веков европейцы потешались над моржами, а потом уби-

вали — ради развлечения, но чаще ради наживы. В результате многие популяции (хотя, к счастью, и не вид в целом) вымерли. Когда в 1604 г. английские моряки впервые увидели моржа, они сразу поняли, что это животное не только беззащитно, но и представляет собой отличный источник жира и прекрасных бивней, причем и то и другое приносит неплохой доход. В 1605 г. корабли лондонской «Московской компании» вернулись на Шпицберген и на протяжении всего лета охотились на моржей, топили моржовый жир для производства мыла и отрезали моржам бивни. К летнему сезону 1606 г. они стали уже настолько искусными охотниками, что в течение первых же шести часов после прибытия на острова убили около 600–700 взрослых особей.

Теперь же, в XXI в., мы прибыли на острова, обеспокоенные состоянием окружающей среды, с самыми лучшими намерениями, честное слово. Но нам обязательно нужно было все сфотографировать, так что мы начали снимать. Все были очень взволнованны, каждому хотелось подобраться поближе. В результате мы так напугали животных, что они в панике бросились в воду. Капитан корабля был в ярости: моржам нужен отдых, а мы их потревожили. Никто из нас не хотел им навредить (каждому так казалось), но все вместе мы превратились в ничтожных вандалов. В записях 1575 г. Мишель де Монтень задавался вопросом:

Кто убедил человека, что эти чудесные превращения на небесах, вечный свет этих ярких светил над нашей головой, это вселяющее трепет постоянное движение бескрайнего океана — все это было создано и столько веков продолжается ради его удобства и ему во благо? Можно ли представить что-то более смехотворное, чем это несчастное и жалкое существо, которое не может управлять даже самим собой и подвластно насилию разного рода, но при этом осмеливается называть себя хозяином и государем Вселенной?

Здесь есть один важный момент, на который писатель Иэн Макьюэн обратил внимание в рассказе об экспедиции, подобной нашей, в которой принял участие год спустя (сначала он опубликовал этот материал в газете, а потом включил в свою книгу «Солнечная»). Один из отсеков в трюме корабля, где хранилось оборудование и одежда для защиты от суровых погодных условий, очень быстро превратился в настоящую свалку — члены экспедиции брали все подряд, независимо от того, кому принадлежит вещь. Если люди, которых все считали чуткими, талантливыми и неглупыми, говорит Макьюэн, не смогли поддерживать порядок в кладовой, то как мы можем надеяться спасти планету? Философ Реймонд Гесс предупреждал: «Обращайте внимание не просто на то, что люди говорят, думают, во что они верят, а и на то, что они делают и что происходит в результате».

Эти слова, оказавшие, по всей видимости, большое влияние на автора «Гамлета», часто приходят мне на ум, когда я вспоминаю тот наш опыт с моржами и многие другие экспедиции и эксперименты, которые я наблюдал и в которых участвовал. Они еще раз демонстрируют, как легкомысленно мы можем относиться к последствиям собственных действий. Кроме того, они связаны еще с одной темой этой книги.

Органы чувств человека развиты гораздо лучше, чем принято думать. Молодой здоровый человек способен в темноте увидеть свет от пламени свечи за 70 км, а человеческое ухо способно услышать звук броуновского движения, вызываемого движением отдельных молекул. И все же в некоторых отношениях другие живые существа — своим зрением, слухом, обонянием и т.д. — превосходят человека. В каком-то смысле их восприятие мира гораздо ярче нашего. В одном животные (почти все) точно уступают человеку — это сознание. Неудивительно поэтому, что мы придаем большое значение сознанию и личности человека. Но более глубокое понимание нашего эволюционного наследия и способностей, общих у нас с животными (как и тех, в которых они нас превосходят), может предложить нам новое представление о том, что значит быть человеком — и что значит им не быть.

Все упомянутые темы, а также некоторые другие (например, как мы воспринимаем время и почему ценим его) связаны с одним главным вопросом: какие обязанности мы, жители эпохи антропоцена, несем перед нынешним и будущими поколениями? В средневековых bestiариях описывались и настоящие, и, как мы теперь знаем, вымышленные животные. Эти книги были полны аллегорий и символов, потому что для средневекового человека каждое живое существо было носителем какого-либо религиозного или морального урока. Как минимум со времен Юма и Дарвина большинство из нас перестало в это верить. Но, по мере того как миро-

здание изменяется в ходе развития науки и техники, не говоря уже о нашей численности, выживание и процветание тех или иных видов во многом зависят от наших ценностей и наших проблем. Получается, что эпоха Просвещения и научный метод сделали возможным создание мира по-настоящему аллегорического, потому что мы переделали его под влиянием собственных ценностей и приоритетов. Может быть, философ Джон Грей был прав, утверждая, что единственный действительно исторический закон — закон иронии. Эта книга — попытка создать bestiарий эпохи антропоцена. Все описанные в нем животные настоящие. Они продолжают эволюционировать, а многие находятся на грани вымирания. И в ней я стремился найти ответ на вопросы, что мы должны ценить, почему мы это не ценим и как мы можем измениться.

В «Книге вымышленных существ» Борхес описывает А Бао А Ку — существо, чем-то напоминающее кальмара или каракатицу. Оно шевелится только тогда, когда в темную башню, в которой оно живет, входит человек с намерением совершить нелегкое восхождение на ее вершину.

...Однако сознание пробуждается лишь тогда, когда кто-либо поднимается по винтовой лестнице — тогда А Бао А Ку, чуть не приликая к пяткам поднимающегося, следует за ним, держась того края ступенек, где они сильнее всего стерты поколениями паломников. С каждой ступенькой окраска А Бао А Ку становится все более явственной, форма — более определенной и излучаемый им свет — более ярким. Но окончательной завершенности А Бао А Ку достигает лишь на верхней ступени, если тот, кто поднялся на нее, сподобился нирваны и дела его не отбрасывают тени. В противном случае А Бао А Ку останавливается словно парализованное, не достигнув вершины, — тело его остается незавершенным, голубая окраска блекнет, излучаемый свет, мер-

Дуглас Хофштадтер утверждает, что «я — это галлюцинация, которую видит галлюцинация». Спиноза считал: «Океан представляет Бога или природу, единую субстанцию, а люди, как волны, часть океана». С точки зрения квантовой механики как минимум Спиноза был прав. «Связи с вещами вокруг вас буквально определяют, кто вы», — пишет физик Аарон О'Коннелл.

чая, гаснет. А Бао А Ку страдает от невозможности достигнуть совершенства, и его стоны — едва различимый звук, напоминающий шелест шелка. Вспышка жизни его коротка: как только паломник начинает спускаться, А Бао А Ку скатывается вниз на первую ступеньку и там, угасшее и утратившее определенность очертаний, ждет следующего посетителя³.

Эту странную историю Борхеса можно толковать по-разному, а можно вообще не придавать ей значения. Я бы назвал ее аллегорией, и мне нравится мое, пусть и не слишком утонченное, объяснение: если мы не будем развивать свое воображение, чтобы лучше понимать формы жизни, отличные от нас, мы не выполним самое главное свое предназначение.

---

³ Пер. Е. Лысенко.